



*Посвящается Туве*

Конца не будет. Думать, будто что-то закончилось, — только себя обманывать. Всякий конец — начало. Вот оно.

*Хилари Мантел.  
Введите обвиняемых<sup>1</sup>*

---

<sup>1</sup> Перевод Е. Доброхотовой-Майковой, М. Клеветенко. М. Иностранка, Азбука-Аттикус. 2020.



# 1. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ОСТАТКА ТВОЕЙ ЖИЗНИ

В последний раз я был счастлив, когда мы стояли в магазине. Наконец-то сняли все ограничения, мы сели в машину и отправились с детьми в район загородных торговых центров, где по сторонам от кругового движения расположились «ИКЕА», магазины электроники и бытовой техники, большой продуктовый супермаркет, а дальше за ним магазин, который она отыскала, — последний обычный магазин таких товаров в бытность, когда все перекочевало в интернет, и нам хотелось попасть туда, в это пространство, чтобы опьянеть от ожидания нашего ребенка.

Карола стояла в углу, где были выставлены коляски, на ее лице читалась отстраненность сродни той, что проступает на лице человека, ступившего в святая святых конфессии, о которой он слышан, но к которой никогда не принадлежал. Изрядно отяжелевшая, она чуть покачивалась, а дети, у которых скоро должна была появиться сестренка, носились тем временем между стеллажами с плюшевыми мишками и одеяльцами цвета розового фламинго и пастельно-голубых оттенков, пеленальными столиками, люльками и кроватками, стойками с сосками, маслами и бутылочками; там были молокоотсосы, бюстгалтеры и рубашки для кормящих мам, кресла для кормления, там были развивающие деревянные игрушки, электронные приемники и передатчики, позволяющие услышать, если ребенок проснулся, или наблюдать за спящим мла-

денцем, а еще считывать температуру и уровень содержания углекислого газа в воздухе в комнате, где находится малыш.

Дети вдруг остановились посреди магазина.

— *Ого!* — воскликнули они. — *Ого, смотрите!*

Они указывали на ряды малюсеньких хорошеньких боди, шапочек и немыслимо крошечных носочков, в этих миниатюрных вещичках улавливалась какая-то — почти невыносимая — беззащитность, дети стали щупать ткани, зарываться носами и вдыхать их запах так, словно это был ребенок, словно их сестренка уже находилась с нами, а мы с Каролой переглядывались через магазинные полки и улыбались, думая, что правильно сделали, приехав в этот оголтелый центр коммерции вместе с детьми, чтобы они поняли, своими глазами увидели и на кончиках собственных пальцев ощутили мягкий фланелевый ветерок, который совсем скоро ворвется в наши жизни и навсегда изменит их, и я услышал свои же слова: *берите все, что хочется*.

Мое семейство посмотрело на меня в замешательстве, мы же собирались только взглянуть на коляску, чтобы было с чем сравнивать перед покупкой подержанной, мы всегда все покупали с рук. Карола успела даже заметить что-то по поводу нашего углеродного следа и напомнить про двоюродную сестру, у которой дочь уже почти выросла из многих вещей, но я просто ответил на это: *«Пожалуйста, один-единственный раз, очень вас прошу, берите все, что вам хочется»*.

Карола так и осталась стоять на месте и с беспомощным видом смотрела на детей, пока те, то и дело восторженно вскрикивая, с сияющими глазами набирали охапки игрушек-комфортёров и слингов, а заодно прихватили огромный развивающий коврик из серо-голубого кашемира. В конце концов она тоже стала оглядываться по сторонам и расспрашивать сидевшую на кассе даму о текстильных подгузниках, экоматериалах и климатически нейтральной

одежде<sup>1</sup> с маркировкой справедливой торговли<sup>2</sup>, о том, нет ли у них ванночки с *чуть* меньшим содержанием пластика, интересоваться, где выращивался хлопок, из которого сшита эта чудесная подушечка в горошек, и, что бы она ни выбирала, это стоило раза в два дороже всего остального. Я рассмеялся и взял тележку, а пока Карола стояла ко мне спиной, достал телефон и перекинул еще денег на счет.

Когда корзины были набиты до предела, а восторг перед окружавшей нас милотой дошел до полного пресыщения, мы с ней вернулись обратно в отдел колясок, и теперь нам уже ничего не оставалось, кроме как взять французскую модель класса люкс, показавшую себя лучшей в потребительских обзорах, на разработку шасси которой ушло пять лет. Мы выбрали, из какой ткани будет люлька-переноска, нашли козырек и чехол-дождевик, подобрали держатель для мобильного телефона, подстаканник для напитков, крепление для сумки — взяли все имевшиеся в наличии аксессуары.

Дама на кассе пробила покупки и каким-то немыслимым образом сумела подобрать пространные выражения, чтобы объяснить нам, что *в случае чего* мы сможем вернуть коляску и получить деньги обратно, и, несмотря на ее беззаботный и радостный тон — *нам нужна от вас всего лишь коротенькая справочка*, — ощущение было такое, будто все вокруг замерло и у нас перед глазами пронеслись кровавые подтеки на стульчаке в туалете, поездка в воющей машине «Скорой помощи», детский гробик, усталый старый гинеколог с мор-

---

<sup>1</sup> Статус «климатически нейтральной» означает, что производитель одежды рассчитывает выбросы углерода, образующиеся при ее производстве, и компенсирует их, вкладывая часть прибыли в проекты, направленные на борьбу с изменением климата. — *Здесь и далее прим. перев.*

<sup>2</sup> Маркировкой «Справедливая торговля» (Fair Trade) отмечают товары, соответствующие особым стандартам, среди которых запрет детского и рабского труда, гарантии безопасности рабочего места, соблюдение прав человека, прозрачная цепочка поставок, а также цена, учитывающая стоимость продукции и заботу об окружающей среде.

щинистым лицом, который протирает очки и выписывает *коротенькую справочку*, представилось, как придется снова ехать сюда, в этот нелепый храм торговли, и везти с собой коляску из красивой дизайнерской ткани с кожаными вставками коньячного цвета на ручке, и я услышал, как кассирша прошелестела в тишине, что *в случае чего мамочке самой надо будет все это сделать*.

Но и эта тревога схлынула, прошло и это мгновение, и осталась только сумма, ряд цифр на экранчике кассового аппарата, размер ее слегка превышал стоимость моего первого автомобиля.

— Оформим кредит? — поинтересовалась дама с приветливой лучезарной улыбкой, и, посмотрев по сторонам, я впервые увидел других пап: пребывающего в стрессе футболиста в болельщицкой майке, эмигранта в помятом костюме, мужика в кожаной куртке и скрепленных липкой лентой очках — и понял, что так здесь все и устроено. Народ ради таких покупок влезает в долги, выплачивает смс-кредиты, процентные ставки, начальные платежи, пени за просрочку платежа, люди сидят у себя в тесных окраинных кварталах больших городов и наскребают каждый месяц из зарплаты на плюшевых мишек, одеяльца, детские коляски, и вот тут я почувствовал, как во мне пробуждается гордость.

— Нет-нет, — ответил я, протягивая банковскую карту, — я оплачу все сразу.

И Карола, стоявшая рядом со мной, положила руку мне на лоб, словно у меня жар, и пробормотала, что мы могли бы посмотреть в других магазинах, может, получится найти почти новую коляску в интернете, но я только ощущал ее руки у меня в волосах, ее пальцы у меня на затылке, слышал *«ты не против, ты уверен в этом»*; она касалась меня, она наконец-то касалась меня, я не мог припомнить, когда в последний раз она меня касалась, *«все в порядке, милая, я разберусь»*, и потом ее взгляд, то, каким она видела меня в тот момент, когда все было прощено, все стало идеальным и таким офигенно заслуженным.

*Понедельник, 25 августа*

Пятнышко между линией роста уже сейчас густых темных волос и гладью лобика, слишком высокого за счет рельефа черепной кости, — заросшая пушком расплывающаяся отметина, которая временами, а особенно в тепле и сумраке, вот как сейчас, норовит переместиться куда-то за висок, или за ушко, или же к родничку, а то и вовсе на затылок, — в это пятнышко я зарываюсь носом и втягиваю запах мягкой бархатистой кожи и впитавшегося в нее сладкого молока, по прошествии пары дней запашок становится чуть резче, напоминает аромат вызревшего сыра и исчезает только после купания. Я ощущаю вес в моих руках, девочка словно куль теплого молотого фарша, на ощупь похожа на маленькую свежую сарделечку, синюгу, добротнo набитую начинкой, аккуратно заложенной внутрь влажными руками, чтобы не лопнула нежная оболочка, в ее маленьком теле все гладко и не напряжено, никаких мускулов и выпуклостей, и в полудреме стираются границы между ней и мной, остается лишь дыхание и мягкая, теплая, липнущая к телу кожа, она совсем голененькая, в одном только подгузнике, вот уже несколько месяцев она спит без пижамки — слишком жарко.

Бекка доела свой рожок, срыгнула мне через плечо, и мы с ней успели задремать, когда первые звуки сирен выплыли из нашего сна, они послышались сначала в отдалении, словно вовсе не имели к нам отношения, напоминая писк посудомойки или сушильной машины, которая закончила свою работу, — непримечательная часть будничного шума; через полминуты вой сирен стал отчетливее, прорвавшись сквозь оболочку, сквозь окружающий нас пузырь безопасности.

— Наверняка просто кто-то подложил бомбу в автомобиль, — говорит Карола, стоя спиной ко мне. Это наша старая шутка со времен учебы в Мальмё. Пара, с которой мы тогда дружили, жила неподалеку от района, где беспорядки,

криминальные разборки часто происходили прямо у тебя под дверью, девушка, старшая в этой паре, была откуда-то из деревни и всякий раз жутко пугалась, а ее подруга, родившаяся и выросшая в Мёллевонгене<sup>1</sup>, излучала типичное для жительницы Мальмё томное и непоколебимое спокойствие, чего стоило это ее постоянное пожимание плечами в стиле *«ой, ну что там еще»*, она с явной гордостью расписывала, как научилась видеть в социальных проблемах *«естественную составляющую урбанистического городского пейзажа»*, ведь только расисты жалуются на преступность и насилие, *«...если ночью где-то грохочет, это же не обязательно перестрелка»*, — продолжала она, презрительно скривив верхнюю губу, украшенную пирсингом, — *чаще всего это просто кто-то подложил бомбу в автомобиль*. После их ухода мы посмеивались над ее показной маскулинностью, и с тех пор любые ночные шумы стали для нас *просто бомбой в автомобиле*.

Сирены приближаются, они, наверное, уже на чьих-то подъездных дорожках, может быть, направляются к одиному старикану, который живет в синем доме, к тому, с псориазом по всему лицу, ему уже лет за семьдесят. Но ни «Скорая», ни полиция, наверное, все-таки не включают сирены, когда приезжают в случае смерти от естественных причин...

Я кладу Бекку на кровать, она морщится, вскидывает ручки, маленькое тельце выгибается дугой, я опускаю ноги на старый деревянный пол, встаю и подхожу к распахнутому окну. Уже не так жарко, как вчера, на улице, пожалуй, градусов тридцать, да и ветерок приятно задувает, я вижу, как раскачивается верхушка высокой сосны и как ее клонит на ветру. Жара спала, ее сдуло ветерком, и на улице наконец-то не так душно.

— Сегодня будет отличный денек, — говорю я, ни к кому конкретно не обращаясь.

---

<sup>1</sup> Район Мальмё.

В детской царит тишина, я стучусь и открываю дверь, дети лежат каждый в своей кровати, обложившись экранами и наушниками, а в воздухе такой тяжелый дух несвежей одежды, конфет и маленьких разнеженных тел, что, кажется, можно резать его ножом; я на автомате прошу их выключить все и спускаться, уже пол-одиннадцатого. Вилья, как обычно, с недовольным видом пялится на меня, а вот Зак обрадован — весь сияя от радости, он протягивает мне на обозрение стеклянную баночку с его ночного столика. В ней рядом с зубом лежит, посверкивая золотом, монетка.

— Зубная фея приходила и положила десятикрановую монетку мне в банку!

— Неужели? Но зуб остался?

— Да, она же знает, что я их коллекционирую! Что я их сохраняю!

— Это же просто фантастика!

— Папа?

Он улыбается сладкой, чуть преувеличенно радостной улыбкой, которая появилась у него с тех пор, как родилась Бекка и он перестал быть самым младшим в семье, он вполне отчетливо понимает свою детскость, знает, что делает что-то такое, для чего уже немного великоват, и это его маленькое представление, он разыгрывает его, чтобы вновь почувствовать себя малышом.

— Папа, как ты думаешь, а в Таиланде зубные феи тоже живут?

Я треплю его взмокшие волосы, подыгрываю умильному спектаклю, может, потому что и мне самому это тоже надо.

— Ну конечно, мой хороший. Она как Санта-Клаус, летает повсюду, только вместо оленей у нее...

— Зубные тролли!

— Да! Зубные тролли, которых она... изловила. Чем же она их?.. — На раздумья у него уходит не больше секунды. — Зубной нитью!

Мы оба улыбаемся этой нашей общей выдумке, оба одинаково очарованы смехотворной картиной: зубная фея

в коляске — сконструированной из выпавших зубов? слепленных между собой зубной пастой вместо клея? — которую тащат несколько злющих, но сильных троллей; мы с ним часто так делаем, делали, когда он был маленьким: часами могли придумывать всякие истории, и мне не раз приходило в голову, что надо бы начать их записывать, но руки до этого у меня, конечно, так ни разу и не дошли.

Внизу на кухне все осталось с вечера как было: кастрюли, сковородки, грязные тарелки и винные бокалы — вечно мы забываем приберечь воды для мытья посуды. Разложенная «Монополия» с горами банкнот напоминает о том, как Карола позволила детям выиграть и как мы после этого поссорились, меня ее поступок возмутил, я завел разговор о правилах и последствиях, что, мол, ладно Зак, ему десять, но когда человеку четырнадцать, как Вилье, пора бы понимать, что нельзя просто взять охапку денег из банка, когда свои закончились, а она сидела и улыбалась этой своей скорбной, удрученной улыбкой и говорила, что *«в свое время девочка узнает, как все устроено при капитализме, этого, увы, не избежишь»*.

На автомате проверяю кран. Слабый шум, как и прежде, ничего не изменилось. Он раздражает меня меньше, чем обычно, — у нас есть бутилированная вода, сок для детей и пиво для нас. Писать можно за деревом, одежду полоскать в озере, посуду салфеткой вытирать. Но вот что меня действительно угнетает, за что я бы и рад заплатить, лишь бы избавиться от напасти, так это какашки, плавающие в унитазе, который медленно наполняется дерьмом, бумагой, потом снова дерьмом, мы пытаемся напоминать детям, что всегда поможем им воспользоваться горшком, но Зак об этом вечно забывает, а Вилья вообще игнорирует, в итоге мне приходится вычищать всю эту пакость при помощи кастрюли и ведра для мытья полов, заткнув уши музыкой, выпуская воздух через рот и поставив мозг на паузу.

Зак уже внизу, напялил купальные шорты, уже несколько недель ничего, кроме них, не носит, я даю ему стакан молока

и наблюдаю за тем, как он пьет. Потом мы отправляемся в путь, он бежит вприпрыжку впереди меня по узенькой грунтовой дорожке, почти белой от пыли, сухой теплый ветерок обдувает руки и ноги, как свежевывстиранные простыни, чудесное летнее утро, золотистые кусты, неухоженные, заросшие травой лужайки, чахлые клумбы, ясное голубое небо и тишина, повсюду полная тишина, совсем недавно надрывались сирены, а теперь ничего.

Старикан не умер, он стоит себе и шурится на солнышке, пока мы спускаемся к мосткам, ветерок треплет ткань его тонкой серой ветровки, красные с белым струпья на лице не так заметны, во всяком случае, они меньше, чем мне помнится, — солнце помогает заживать такое.

— Не уехали? — произносит он, в словах сквозит почти раздражение.

— Вообще-то нет, — отвечаю я. — Мы сдаем наш дом на лето, так что...

— Не уехали, — повторяет он все тем же укоризненным тоном. — Остальные соседи в выходные разъехались.

— Да, вообще-то все неплохо. — Меня раздражает старикан, но еще больше — моя собственная реакция, желание оправдаться, как будто я нуждаюсь в его одобрении. — Детям может быть полезно посмотреть на последствия собственными глазами. Все ведь так абстрактно, когда им об этом только в школе рассказывают.

Зак беспечно пробегает мимо соседа на маленький песчаный пятачок рядом с мостками и принимается искать наши вещи. Под старой разошедшейся скамейкой лежат надувной дельфин и плавательный матрас, с которыми мы обычно купаемся, а кроме того — небольшая косметичка с экомылом и шампунем, безвредными для пользования на озере, Заку нравится мыться во время купания, нравится мыльная пена, покачивающаяся на волнах. *«Папа, давай помоем голову»*, — горланит он, окидывая пустое озеро гордым взглядом ребенка, получившего вдруг во владение